

Отрезок времени

(Воспоминания об академике В.С. Михалевиче)

М.М. Диесперова

*Вот это я тебе взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья,
Ты пил вино, ты как никто шутил...*
Анна Ахматова

Я пытаюсь писать о событиях, которые происходили сорок лет назад. Жизнь в действительности состоит не из расплывчатой бесформенности, а из точной совокупности подробностей, из суммы их, где важны лишь слагаемые. Я благодарна судьбе за то, что оказалась в том времени, в том месте пространства, в той духовности, которая окружала людей, о которых я пишу.

Даже историки уже несколько раз переделывали не историю тех времен (ее не переделать), а взгляда на эту историю. Что же есть истина в истории? Кому нужно будет верить, когда прошлое послужит историкам для сочинения образцов никогда не существовавших событий?

Я решила писать эти воспоминания потому, что мне не хотелось бы, чтобы время изгладило в памяти людей, знавших его в те времена и позже образ того человека, каким он был, со всеми его достоинствами и недостатками.

Общий курс теории вероятностей и математической статистики, а также спец. курс по предельным распределениям сумм независимых случайных величин у них читал Борис Владимирович Гнеденко. Он был прекрасным лектором, выдающимся ученым и вообще яркой личностью. Ученик А.Я. Хинчина и А.Н. Колмогорова, а с Андреем Николаевичем его связывали еще и узы дружбы. Лекции Хинчина были настолько яркими и интересными, что их приходили слушать не только мехматовцы, для которых они читались, но и студенты и аспиранты физического и философского факультетов. Борис Владимирович унаследовал эту способность своего учителя и его лекции были не только интересны по содержанию, но и интересны, как некое театральное действо. Помню как-то раз он читал нам лекцию по теории вероятностей и вдруг на второй паре заметил тряпку, которая висела на лампочке под потолком. "Вот так и в науке, — заметил он, — мы проходим мимо очевидных фактов. А как важно обдумывать все вопросы, с которыми вы сталкиваетесь..." и следовало небольшое лирическое отступление о том, как надо заниматься наукой.

Нужно сказать, что курс Володи насчитывал 25-30 человек, а через четыре года, когда поступала я, наш курс насчитывал уже сто человек. После войны математика становится модной наукой. В КГУ приглашают московского молодого талантливый профессора Г.Е. Шилова. На младших курсах он читал

математику и высшую алгебру, а на старших спецкурсы по функциональному анализу и теории обобщенных функций. Это были новые идеи в математике, и я не могу сказать, что в Киеве Георгий Евгеньевич был принят старой профессурой с распростертыми объятиями. Но студенты были в восторге от него и его лекций.

На IV курсе курсовую работу Володя писал у Бориса Владимировича. Задача, поставленная в курсовой, настолько его увлекла, что он все летние каникулы продолжал думать над ней и обобщил результаты так, что получил не только яркую дипломную работу, но и предложение Бориса Владимировича поступать к нему в аспирантуру. Это был первый его шаг в науку, и первая его статья была оформлена по результатам дипломной работы.

В это время у Бориса Владимировича в аспирантуре занимались будущий академик АН Украины В.С. Королюк, будущий член-корреспондент АН Украины Е.Л. Ющенко (в ту пору еще Рвачева), Ю. Студнев, С. Колотошин и др. Кроме того, в 1953 г. к нему в аспирантуру поступил еще один будущий академик А.В. Скороход. И в этом же году Борис Владимирович получает приглашение от Берлинского университета прочитать курс лекций. Он принимает это приглашение и встает вопрос, что же делать с его учениками. Он обращается за помощью к своему учителю и другу А.Н. Колмогорову с просьбой забрать в аспирантуру МГУ трех его учеников — В.С. Королюка, В.С. Михалевича и А.В. Скорохода. И в 1953-1954 учебном году их всех троих КГУ прикомандировывает для окончания аспирантуры в МГУ.

И это был его второй шаг в науку и очень удачный шаг, я бы даже сказала счастливый шаг. Работой В.С. Королюка и В.С. Михалевича согласился непосредственно руководить А.Н. Колмогоров, а Е.Б. Дынкин согласился руководить работой А.В. Скорохода. Отношение и руководителей и аспирантов к вновь прибывшим вначале было несколько настороженным: ведь они прибыли из "захолустного" университета, а МГУ — элита. Но они быстро включились в работу семинаров; уже на первом году пребывания в МГУ Скороход придумал топологию, которая с легкой руки Андрея Николаевича стала называться "топологией Скорохода".

Манера работы с аспирантами у Андрея Николаевича была довольно элитарной. Перед аспирантом ставилась задача, очерчивался круг необходимой литературы и давалась полная свобода действий. Но... обязательно каждую неделю Андрей Николаевич приглашал своих аспирантов и докторантов к себе в гости или на дачу, или на квартиру, которая находилась в МГУ. В это время в аспирантуре у Андрея Николаевича занимались Ю.В. Прохоров, Л.Н. Большев, Р.Л. Добрушин, В.М. Золотарев, Г. Джанашия, Ю. Медведев (он занимался мат. логикой), в докторантуре С.Х. Сираждиной, Г.М. Мания. Все они были людьми неординарными, яркими личностями, и встречаясь в такой неофициальной дружеской обстановке пронесли через всю жизнь чувство некоего "колмогоровского братства". Андрей Николаевич очень любил природу, хорошо плавал и отлично ходил на лыжах. Поэтому летом устраивались турпоходы. Ну, например, выезжали на Пестовское водохранилище; отправлялись электричкой с

Ярославского вокзала, ехали до ст. Правда, а там 8 км шли пешком лесом до водохранилища — громадного лесного озера. Брали лодки, катались, устраивали соревнования по плаванию. Кстати, Володя плавал очень хорошо, и очень любил плавать. Назад возвращались до Химок паромом по каналу Москва - Волга, а там автобусом и метро до МГУ. На пароходе Андрей Николаевич ненавязчиво мог спросить об успехах в работе, рассказать о том, как сам он стал математиком, как ему видится дальнейшее развитие математики, какое место в ней должны занять его ученики. Он надеялся, что С.Х. Сираждиной, Л.Н. Большев и Володя организуют новую школу по математической статистике, хотел создать сильный коллектив по теории информации, считая, что Е.Б. Дынкин и Р.Л. Добрушин вполне могут возглавить его.

Зимой Андрей Николаевич устраивал лыжные походы на 35-40 км. Уезжали утром за город на машине или электричке, а возвращались в МГУ часам к 18, а к 19 академик уже приглашал к себе на чай, где как правило присутствовали и другие гости, часто Ю.Н. Линник, Г.Е. Шилов и др. Ставилась классическая музыка, особенно Андрей Николаевич любил Баха.

Хотелось бы еще рассказать об условиях, в которых в то время жили аспиранты МГУ. Новое здание МГУ как раз уже было построено и сдано в эксплуатацию. Аспиранты и студенты жили в блоках. Аспирантский блок состоял из двух отдельных комнат, общей прихожей и общего санузла. Комната 2,5 м x 4,5 м = 11,25 м² со стенным шкафом для одежды, шкафом для книг из 5-ти отделений, письменным столом с 3-мя выдвижными ящиками. Кроме того, в ней были кровать-диван, обеденный столик, тумбочка с репродуктором и телефоном (каждый аспирант имел свой телефон), настольная лампа с красивым зеленым абажуром, два стула, рабочее кресло, письменный прибор, пепельница, графин с двумя стаканами. Выдавали также постельные принадлежности: перину, простыню, пододеяльник, подушку, наволочку, два одеяла — зимнее и летнее. А также полотенце, ложку, нож, вилку, чашку и большой алюминиевый чайник. На каждом этаже была кухня с газовыми плитами, где можно было готовить себе еду. И одна гостиная на два этажа, где стояло пианино, и собирались студенты и аспиранты попеть песни и потанцевать.

Бытовые условия после КГУ были просто идеальными. Да и не только после КГУ. Когда мы получили свою первую квартиру в Феофании, то это была 10 м² комната в половине фанерного финского домика на 2 комнаты. Вторую комнату занимал милиционер с семьей из 4-х человек. Кухня была общая, а санузел был на улице (не совмещенный, т.к. ванны просто не было вообще). Мы вспоминали МГУ, где у нас было две комнаты, не с грустью, а с веселым смехом. Да и как было не смеяться, когда приглашенные гости частично сидели за столом с другой стороны окна, т.е. на улице. Мы даже придумали теорию, по которой жить в таких комфортных условиях для студентов просто вредно, т.к. столкновения с суровой действительностью просто может их выбить из колеи и надолго. Мы были молоды, жизнерадостны, нам было интересно заниматься математикой и нас приучили "раньше думать о Родине, а потом о себе..."

Но, пока, вернемся в МГУ. Научная атмосфера в МГУ очень сильно отличалась от атмосферы КГУ. Если в КГУ проф. Г.Е. Шилов на специальном факультетском семинаре делал доклад об обобщенных функциях, должен был

доказывать остальному преподавательскому составу правомочность существования обобщенных функций, то в МГУ всю работу семинар Гельфанда по мерам в бесконечномерных пространствах.

Считалось, что самые интересные семинары по теории вероятностей были у Е.Б. Дынкина. Эти семинары все три киевлянина и стали посещать, чтобы выглядеть достойно, они решили хорошенько разобраться в тематике семинаров Е.Б. Дынкина, решить какие-нибудь задачи. Все это решили осуществить в виде собственного семинара, собираясь по два раза в неделю. Составили расписание заседаний и тематику научной работы. Свой семинар они в шутку называли "Киевское математическое общество". Почетными членами были избраны Б.В. Гнеденко, И.И. Гихман, Г.Е. Шилов, а казначеем (т.к. кассы как таковой у них не было) С. Колотошин, который был мастер одалживать деньги, особенно у тех, кто его плохо знал, потому что у того, кто ему уже одалживал, поживиться было уже нелегко. Тут Володе в голову приходит мысль, что схема одалживания денег Колотошиным — вероятностная схема, в которой вероятность попадания в состояние убывает с числом этих попаданий. Вместе с А.В. Скороходом они решили поразвлечься и стали думать, какую бы промышленную или физическую задачу можно было так схематизировать. Придумали сначала, как задачу снабжения в зависимости от необходимого потребления, затем придумали еще более общую схему со случайными процессами. Такие были развлечения...

В то время в аспирантуре нужно было сдавать три экзамена и три зачета. Экзамены и зачеты у своих аспирантов Андрей Николаевич принимал у себя дома или на даче. Обычно эта процедура продолжалась не меньше двух часов и давались главным образом задачи. При этом академик не забывал подчеркнуть, что в его время в аспирантуре сдавали 5 экзаменов и 5 зачетов. Один аспирантский экзамен Володя сдал в Киеве. Андрей Николаевич предложил ему сдавать математическую статистику и метрическую теорию динамических систем.

Колмогоров предложил ему заниматься последовательным байесовским анализом и его применением в математической статистике, он считал, что это новое перспективное направление, которое должно иметь непосредственный выход на производство. И если Володя согласится заниматься этой тематикой, то ему нужно будет ездить на заводы, контактировать с инженерами, использующими методы статконтроля в производстве. И действительно они с С.Х. Сираждиновым ездили на Горьковский автозавод уговаривать инженеров воспользоваться их опытом и знаниями. И это направление в статистике и теория динамических систем были совершенно новыми направлениями в математике.

По теории динамических систем спецкурс читал Сергей Васильевич Фомин. Володя стал слушать этот спецкурс, а затем сдал экзамен Сергею Васильевичу.

А по математике как необходимый минимум Андрей Николаевич перечислил 15 статей из журналов и еще не переведенную книгу А. Вальда "Последовательный анализ". Проблема заключалась в том, что и в школе и в университете Володя учил немецкий язык, а вся литература была на английском языке. Он грустно шутил: "Что-что, а выдержку эти переводы у меня воспитают."

Этот второй шаг в науку, пожалуй, был для него самым трудным. Общая обстановка в университете заставила его задуматься о дальнейшем пути. "Мне стало стыдно, что я так мало знаю в науке, что я совершенно не знаком с самыми необходимыми вещами в математике, не говоря уже о последних достижениях в теории вероятностей, стыдно, что я не понимал всем существом (знать-то я знал, но не чувствовал) сколько нужно труда, энергии и даже задора, чтобы стать ученым, а не ремесленником в науке.

И у меня сейчас задача — поработать так, чтобы наука действительно стала делом моей жизни, чтобы я почувствовал силы для творчества в ней. Я, к превеликому сожалению, учился очень поверхностно, потому мне сейчас так тяжело."

Ему приходилось по три - четыре часа в день изучать математическую статистику, а остальное время читать журнальные статьи и учебники по динамическим системам. Большой проблемой для него было проводить быстро выкладки, особенно если они были частично опущены в тексте. "Это уж видно моя хроническая болезнь, а причиной ей то, что ленился делать примеры, когда был студентом. Сейчас, как вспомню, какой я был лентяй и оболтус, сколько бы знаний имел, если бы занимался! У меня сейчас половина, а то и больше времени сохранилось бы для размышлений над задачами, а то ведь сейчас в основном приходится читать и читать то, что я должен был бы хорошенько знать."

Андрей Николаевич умел заставить своих аспирантов заниматься в полную силу. Ведь когда сдавались, экзамены, в гостях находились и другие аспиранты, а это вызывало здоровую конкуренцию. Интересно отметить, что почти все аспиранты и докторанты, которые в то время образовывали "колмогоровское братство", стали впоследствии академиками и член-корреспондентами. Он сумел пробудить в них чувство любви к науке, а вся обстановка в МГУ, как говорил Володя, вышибала из него природную лень и на многие вещи заставляла смотреть серьезнее.

Срок аспирантуры у Володи заканчивался 15 ноября 1955 г. Но Андрей Николаевич не раз высказывал своим ученикам мнение, что в аспирантуре надо держать человека подольше, он сам занимался в аспирантуре 4 года.

На Ученом Совете Колмогоров представил Володю как очень способного аспиранта и по этому поводу он пишет: "...мне было очень неловко, ведь он меня еще мало знает, потому что будет очень досадно, если ему придется разочароваться". В своих способностях он был не очень уверен, хотя его учителя и Борис Владимирович и Андрей Николаевич были в этом совершенно уверены. Зато он всегда восхищался способностями своих друзей, особенно А.В. Скорохода. Он пишет: "С Толей вообще трудно кого-либо сравнивать, потому что он по-настоящему талантлив, и я уверен (и желаю ему этого от всей души) станет очень крупным ученым, как, например, Колмогоров, если будет работать так, как работает Володя Королук, и если жизнь сложится благоприятно

для научной работы." Как мы видим теперь, он не ошибся.

На данном отрезке времени судьба подарила ему счастливый случай общения с двумя совершенно необыкновенными людьми. — Учителями. Андрей Николаевич, несмотря на большую любезность, воспитанность и необыкновенный такт, просто подавлял своим превосходством в знании и удивительной интуицией в математике. А Борис Владимирович был значительно теплее, человечнее и сразу вызывал большую симпатию и доверие.

Все трое (В.С. Королук, В.С. Михалевич и А.В. Скороход) были очень благодарны Борису Владимировичу за то, что он для них сделал. Они мечтали о том времени, когда Борис Владимирович вернется из Германии и под его руководством вместе с И.И. Гихманом будет создан костяк крепкого научного коллектива, объединяющего вокруг себя способную молодежь, отбирать наиболее способных студентов, воспитывать их математическую культуру, растить из них настоящих ученых, одним словом, организовать настоящую математическую школу по теории вероятностей и математической статистике. "Если бы жизнь позволила бы нам это сделать действительностью, это было бы лучшей нашей благодарностью Борису Владимировичу за его исключительное внимание и заботу о нас, которую мы по-настоящему оценили, пожалуй, только здесь. Какая действительно хорошая душа у него. Я помню как мы втроем возвращались от Колмогорова и единодушно пришли к выводу, что такого чудесного человека, как Борис Владимирович, нам еще не приходилось никому встречать."

Естественно, не вся его жизнь проходила в учебных аудиториях и читальных залах. Он был молод, любил компанию, был очень веселым и жизнерадостным человеком. Очень часто в МГУ приезжали артисты московских театров, симфонический оркестр, которым в то время дирижировал Кирилл Кондрашин. Мы старались попадать на все концерты, но не всегда это удавалось, т.к. билеты раскупались мгновенно.

При входе в актовый зал билеты обычно проверяли студенты-дежурные, которые стояли с внешней стороны дверей. Как-то нам не хватило билетов, а очень хотелось пойти на концерт. Володя проскочил в двери, как проверяющий, и встал с внутренней стороны. Те билеты, которые не успевали проверить внешние контролеры, по идее должен был проверять он и, таким образом, он собрал нужное число целых билетов для всей нашей компании. Мы были очень довольны.

В первый год киевские аспиранты жили коммуной: каждый дежурил по два дня — утром готовил завтрак, вечером — чай. После получения стипендии на весь месяц покупались абонементы на обед в профессорскую столовую (аспиранты имели на это право), а остальные деньги сдавались в кассу В.С. Королуку, как самому серьезному и надежному, а по мере надобности Королук уже выдавал им деньги.

Однажды Королуку позвонила знакомая и сообщила, что есть два билета во МХАТ на "Дядю Ваню". Билеты заказаны артисткой Зуевой для одного ее знакомого. Нужно только приехать в кассу и сказать: "Здесь мне заказали два билета. Моя фамилия Сухоручкин." Сам В.С. Королук собирался в этот день идти на концерт Шпиллер, и билеты у него были куплены заранее. Поэтому он предложил Михалевичу и Скороходу сходить во МХАТ. Правда, какие-то

сомнения в головы последних закрались — уж очень странная фамилия — Сухоручкин. Но каких фамилий не бывает! Они радостно получили от Королюка 50 руб. на билеты и отправили в театр. Приехали они к театру, прочитали афишу, убедились, что да — идет "Дядя Ваня", игровой состав замечательный, и очень обрадовались. Толя остался около афиши, т.к. интуитивно не захотел идти к кассе, а Володя отправился добывать билеты. Подходит он к кассе и говорит: "Здесь мне заказаны два билета." Кассирша выжидающе смотрит на него, что, мол, дальше? А он торжественно заявляет: "Я Сухоручкин." Кассирша отвечает: "Очень приятно, конечно, но для вас билетов никто не заказывал." — "Как никто? Мне Зуева заказала два билета." Кассирша несколько смутилась: "Странно, она никому не заказывала. Впрочем, я сейчас пойду позвоню, узнаю... Ваша фамилия как? Сухо..." — "Сухоручкин" — гордо и упрямо подтвердил Володя. — "Ну вы, пожалуйста, подождите. Я все выясню." Вот стоит Володя и думает: "А не смыться ли мне сразу?" Выходит довольная кассирша минут через пять и объявляет, что такой фамилии никто слыхом не слыхивал и, естественно, билетов нет. Выскакивает он из театра на улицу, а Толя по его лицу сразу понял, что интуиция его и на этот раз не подвела и радостно говорит: "Вот и хорошо. Теперь пропьем театральные деньги." По дороге в театр. Толя нашел листовку (их разбрасывали по всей Москве) "Пейте советское виски" (сорт водки, выдержанный четыре года в обугленной бочке). Но после небольшой дискуссии они остановились на двух бутылках грузинского вина № 1 и № 3.

А утром они доложили Королюку свои яркие впечатления: какая тонкая незабываемая игра — вот, мол, оно — настоящее искусство! Королюк обрадовался, но немного удивился, т.к. привык от Толи слышать только скептические отзывы (как он говорил "поплюжнические"). И как ни жаль было выводить его из заблуждения, но пришлось ему рассказать правду. Ух как он ругал знакомых своей знакомой и их знакомых артистов! Что его только обрадовало и успокоило во всей этой истории, так это его предусмотрительность: что он дал им только 50 руб., а не 100.

После окончания аспирантуры Володя возвращается в Киев и приступает к работе ассистентом на кафедре теории вероятностей и математической статистики мех.-мат. факультета КГУ. Нужно сказать, что к этому времени из Германии вернулся Борис Владимирович. Он стал директором Института математики АН УССР и заведующим кафедрой теории вероятностей в КГУ. В Германии Борис Владимирович познакомился с известным ученым в области математической логики, высшей алгебры и вычислительных методов, доктором физ.-мат. наук, профессором Львом Аркадьевичем Калужниным. Еще ребенком, в 1925 году, родители вывезли его во Францию, во время войны 4 года он, как русский, отсидел в концлагере, а после окончания войны его пригласили на работу в Берлинский Университет, где они и познакомились.

Борис Владимирович уговорил Льва Аркадьевича оставить прекрасную квартиру в Берлине, коттедж на берегу озера под Берлином и яхту на этом озере и

вернуться на свою Родину поднимать вычислительную математику. И Лев Аркадьевич вернулся вместе с мамой. После полуторагодовых мытарств без квартиры и без степени доктора наук, которую ему предложили перезащитить на нашем Ученом Совете, он получает однокомнатную квартиру на первом этаже, перезащищает диссертацию и начинает в полную силу работать в КГУ.

К 1956 г. бесхозную лабораторию Лебедева в Феофании передают Институту математики и она становится Лабораторией вычислительной математики при институте.

На базе этой лаборатории Борис Владимирович решает создать новый институт с новым направлением в математике и назвать его Вычислительный центр АН УССР. Гнеденко приглашает на должность зав. лабораторией по рекомендации Куроша его талантливого докторанта Виктора Михайловича Глушкова. Виктор Михайлович со свойственной ему энергией, целеустремленностью и энтузиазмом создает вокруг себя коллектив увлеченной наукой молодежи, да и самому ему было в то время 32 года. Каждую неделю в лаборатории проходили семинары, на которых выступали Л.А. Калужнин, В.С. Королюк, Е.Л. Ющенко, приезжали ученики Виктора Михайловича и Льва Аркадьевича: А. Стогний, Ю. Капитонова, А. Летичевский, И. Коваленко и др.

Хотя Володе приходилось ездить на работу в КГУ из Феофании, но он старался по возможности присутствовать на этих семинарах, тем более, что с лабораторией его связывала и личная заинтересованность. В своей диссертации для определения границ принятия оптимального решения он вывел трансцендентные уравнения, и для некоторых частных случаев на МЭСМ пытались решить эти уравнения.

Летом 1957 года собрались вместе Б.В. Гнеденко, В.М. Глушков, Л.А. Калужнин, В.С. Королюк, В.С. Михалевич, А.В. Скороход и отправились отдыхать на Десну, выше Чернигова. На берегу Десны разбили солдатскую большую палатку, положили на землю длинную толстую доску с лозунгом "По столу ногами не ходить" и стали ловить рыбу и отдыхать. Утром и вечером ловили рыбу, тем более, что Виктор Михайлович и Володя были заядлыми рыболовами. Они пытались научить этому искусству Королюка и Скорохода, но из этой идеи ничего не вышло.

За этим столом каждый день устраивались беседы и дискуссии. Лев Аркадьевич рассказывал какие красивые озера под Берлином и как надо плавать на яхте. Яхты, естественно, у нас не было, была только лодка, с которой ловили рыбу. Но Лев Аркадьевич уже почти привык к новым для него условиям и ему очень нравилось в Киеве. Очень часто обсуждали проблему является ли прикладная математика наукой. Но потом решили, что также, как в живописи: есть живописцы-ремесленники, а есть художники, так и в прикладной математике все зависит от того, в чьи руки она попала. Здесь же на Десне Виктор Михайлович рассказал, что он хочет создать не Вычислительный Центр, а Институт кибернетики. Со свойственной ему незаурядной математической интуицией он определил сразу несколько новых направлений в математике, в том числе и

вторжение математических методов в планирование народного хозяйства, что можно осуществить только с помощью ЭВМ. И заниматься разработкой этого нового направления он пригласил Володю.

Приглашая в Киев Виктора Михайловича, Борис Владимирович надеялся, что всю тяжесть организации нового института Глушков возьмет на себя. И надо отдать должное, Виктор Михайлович был гениальный организатор, энергичный и целеустремленный и плюс к тому прекрасный математик, всегда готовый выдать целый каскад новых выдающихся идей и увлечь этими идеями

всех окружающих. Со своей незаурядной математической интуицией он от постановки проблемы через пропасть решения перепрыгивал сразу к конечному результату. И не всегда находились люди, способные проделать работу по решению проблемы.

Вообще говоря, Борис Владимирович хотел сам быть директором вновь создаваемого института, т.к. он прекрасно понимал перспективы, открывающиеся после создания этого института. Но Виктор Михайлович тут не уступил: это было его детище, его создание и он просто не мог от него отказаться. Поэтому вопрос о переходе Володи на работу в ВЦ из чисто практической области переходил в область моральную. Ведь Володя был учеником Бориса Владимировича и просто боготворил его. Решение перейти в ВЦ далось ему очень нелегко, но трудно было устоять перед обаянием Виктора Михайловича, и он сделал свой третий судьбоносный шаг. И здесь начинается новый этап в его научной жизни: одним из первых он начинает разрабатывать новое направление в науке: экономическую кибернетику. И, думаю, открывается еще одна грань его таланта — таланта организатора науки. Он сам о себе говорил: "Не знаю, есть ли у меня яркий математический талант, но я точно знаю, что у меня есть интуиция на новые направления в математике, которые наверняка имеют блестящие перспективы развития. Я знаю как и в каком направлении должна развиваться кибернетика." Он пишет письмо-обоснование для открытия в КГУ факультета кибернетики и вместе с Виктором Михайловичем они затратили много сил и энергии, чтобы убедить отдел науки ЦК КПУ в необходимости создания этого факультета.

Боги наградили его множеством талантов. Из всех талантов он выбрал математический и не разочаровал богов. И мне, кажется, что он достоин самой высокой награды, которую может иметь Учитель — любви своих учеников.

Воспоминания об академике В.С. Михалевиче. М.М. Диесперова

Сборник-альбом посвящен деятельности Клуба им. Н.М.Амосова.

[Жизнь это дни, которые запоминаются..., 2015-2016, К., 2017, Стр.38-48,](#)